

Проблема словообразовательно-генетических отношений др.-рус. *тъска* ‘тоска, печаль’

Этимологические источники чаще достаточно уверенно (а иногда с оговоркой «возможно») связывают историю словообразовательно-этимологических отношений др.-рус. *тъска* (рус. *тоска*, укр. *тоскно*, блр. *тоскніць*) и его соответствий в западнославянских языках (чеш. *stesk* ‘тоска’, *teskný* ‘тоскливый, заунывный’, ст.-польск. *teskny* ‘то же’ и др.) с производными корня *тъщ-* (**тъščь* < **тъsk-j-*), ср. рус. *мощный*, *тщета*, *тщетный* и др. [Machek, 527; Skok, 3, 446; Фасмер, 4, 488; Черных, 2, 253; и др.]. Развитие значения предполагается следующее: ‘пустой (*prázdný*)’ → ‘напрасный, тщетный (*marný*)’ → ‘удрученный, унылый, печальный, грустный (*skličeny*, *smutný*)’ [ESS, 17, 1008].

Характерная особенность производных праслав. **тъščь*, указывающая на глубину его происхождения, — наличие соответствий с той же основой (не только корнем!) и значением в ряде индоевропейских языков (балтийские, индоиранские, ср. лит. *tùščias* ‘пустой, холостой, бесплодный’, *tušteti* ‘пустеть’, *tukšs* ‘пустой, полый’, лат. *tesca* (< **tuesqua*) ‘пустыня, степь’, авест. *taoš-* (**touseio-*) ‘пустой, быть пустым’, афг. *tāsh* ‘пустой, полый’, др.-инд. *tucch(y)á* ‘пустой, ничтожный, суетный’, хинди *туччха* ‘пустой, полый, никчемный’) [Фасмер, 4, 90–91]. Возникает первый вопрос: как же образованы восточно- и западнославянские лексемы с корнем *тъск-*, связанные с выражением понятия «тоска, печаль», если известно, что праслав. **тъščь* и его балто-индоиранские соответствия восходят к основе с палатальным *-k’-* (< и.-е. **tus-sk’-ió-* [Черных, 2, 254–255; ESS, 17, 1008])? Региональная словообразовательная инновация? Но в результате чего возник вариант основы с непалатальным, не отмеченный в других языках?

Второй вопрос касается семантики др.-рус. *тъска* и предполагаемых однокорневых образований с корнем *тъск-* и *тъщ-*. Дело в том, что если западнославянские соответствия др.-рус. *тъска* связаны только

с понятием «тоска», то в древнерусских текстах наряду со значением ‘горе, печаль’ (XIII в.) у этого слова отмечены также значения ‘стеснение, притеснение’ (XI–XV вв.), в более поздних текстах — ‘болезнь, связанная с чувством внутренней сдавленности, сжатия (типа стенокардии)’ (XVI–XVII вв.), ‘тошнота, отвращение’ (XVII в.) [СРЯ XI–XVII, 30, 68]. Учитывая такую разнородность значений в древнерусском, словарь П. Я. Черных предполагает как старшее значение ‘давление, теснота’, из которого развилось значение ‘ощущение беспомощности, волнение’. Но при этом словообразовательно-этимологически др.-рус. *тъска* в этом словаре соотносится с праслав. **тъсѣь* ‘пустой, тщетный’ и нет объяснения условий возникновения связи понятий «пустота» и «давление, теснота» [Черных, 2, 253].

Грамматически отличающееся др.-рус. *тъскъ* (*тоскъ*) также зафиксировано в значении ‘натиск, стремление, поспешность’ (XV в.). Производный глагол *тоснутися* имел значение ‘спешить, торопиться’ (XII–XIII, XV вв.), ‘стараться’ (XII в.), ‘стремиться к чему-л.’ (XV в.). Производные с корнем *тиц-* (*тъц-*) имеют то же соотношение значений: *тицати* ‘принуждать, побуждать, торопить’ (XI в.), *тицатися* ‘торопиться, спешить’ (XI в.), ‘стремиться’ (XI в.), *тицанный* ‘поспешный, торопливый’ (XV в.), ‘усердный’ (XII в.), ‘желанный, вожденный’ (XII в.), *тицивый* ‘пустой, малодушный’ (XI в.) и *тицивый* ‘быстрый, стремительный’ (XIII–XV вв.), ‘усердный’ (XII в.) [СРЯ XI–XVII, 30, 240–241]. Смешение значений ‘спешить, торопить, стремиться’ и ‘усердный, старательный’ отмечается и в старославянском у производных корня *тъц-* [ESS, 17, 1007]. В этом случае вероятно влияние старославянского на древнерусский, но в старославянском нет «встречи» со значением ‘тоска, печаль; тосковать’!

Каким образом соотносятся все эти значения предполагаемых однокорневых образований? Если понятие «тоска» можно истолковать как «ощущение душевной пустоты» (значения ‘тоска, печаль’ — ‘пустой’), то как соотнести значения ‘тоска, печаль’ и ‘спешить, торопиться’, ‘стараться’, ‘тщательный’? Как развивалась семантика в этом словообразовательно-этимологическом гнезде, при том что значение ‘пустой, напрасный’ практически энантиосемично значению ‘тщательный, старательный’?

Возможно, разгадку подсказывают чеш. *tíseň* ‘нужда, недостаток’ и ‘подавленность, тоска’ (*pada na mne tíseň*), словац. *tes(k)ny* ‘тесный,

плотный, близкий', *tiesnit* 'теснить', 'тяготить, удручать' и *tiesen* 'тоска, подавленность', 'нужда', производные от *tēs(k)n-* 'тесный', и с.-х. *teskoba (tjeskoba)* 'теснота' и 'тоска, печаль', *teskoban* 'тесный' и 'тоскливый, печальный', образованные от *tijesan (tēsan)* 'тесный, узкий' [Reizak, 2001, 659; Skok, 3, 473–474]. Основания для такого семантического перехода не вызывают вопросов, поскольку очевидна связь понятий «теснить» и «угнетать, мучить, давить», ср. ст.-слав. *тѣснѣ (тѣскънѣ)* 'тесный, узкий' и 'гнетущий, тягостный', *тѣснити* 'теснить, угнетать, мучить', *тѣскъ* 'пресс (виноградарский)' или рус. *притеснять, стеснить* (кого-л.) [ССЯ, 4, 556–557]. Вариативность *тѣсн-/тѣскън-* неслучайна, это следствие исходного праслав. **tēsknъ*, родственного **tiskati* [Фасмер, 4, 51; Reizak, 2001, 659; Machek, 1957, 527; Skok, 3, 473–474; Bańkowski, 2, 174].

Таким образом, как можно определить генетические связи слав. **tъska* 'тоска, печаль', известного в восточно- и западнославянских языках? Возможно два объяснения: 1) контаминация *teskn-* 'тоскливый' и *tēskn-* 'тесный' в ареале чешского и словацкого (сербохорватский?) с дальнейшим распространением в устной речи такого осмысления тоски в восточнославянский ареал (т. е. первичность формы **tъsk-* из праслав. **tъšč-*); 2) ареальные восточно- и западнославянские образования с корнем *тъск-/tesk-* 'тоска, печаль' не имеют генетической связи с праслав. **tъšč-*, своим происхождением обязаны осмыслению чувства тоски как ощущения внутренней сдавленности, сжатия (ср. с.-х. *teskoba*, производное от *tēsan* 'тесный, узкий', и с.-х. *tašt* 'пустой, тщетный, суетный', производное от праслав. **tъšč-*).

СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. М., 1975–. Вып. 1–.

ССЯ — Словарь старославянского языка : в 4 т. Репринт. СПб., 2006.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1994.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32); А. Ф. Журавлева (вып. 33–39); Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М., 1974–. Вып. 1–.

Bańkowski A. Etymologiczny słownik języka polskiego. T. 1–3. Warszawa, 2000.

ESS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského / hl. red. I. Janyšková. Praha, 1989–. Č. 1–.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Reizak J. Český etymologický slovník. Praha, 2001.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–3. Zagreb, 1971–1974.

Т. Р. Душенкова

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН

Ижевск, Россия

dushenkovatr@mail.ru

К семантике выражения *шыр голык*, или Почему *мышь голая*?

В удмуртском языке есть интересное выражение, использующееся в южных диалектах Удмуртии, где население исторически тесно контактировало с тюркскими народами. Это выражение *шыр голык*, представляющее собой некую загадку, поскольку, на первый взгляд, буквально оно переводится на русский язык как «мышь голая»¹.

Возможно, в данном случае мы имеем дело с таким явлением, как языковая игра. Дело в том, что лексема *шыр* в удмуртском языке представлена несколькими омонимами. Первое слово в их ряду, самое понятное и известное, — зоологический термин *шыр* ‘мышь; мышиный’ (*шыргу*, *шыр гутё*, *шыр кар*, *шыр мудэм* ‘мышиная нора’; фразеологизм *шыр быж* обозначает тонкие свисающие волосы у человека, перетянутые сзади на голове резинкой, бантом или заколкой, букв. «мышиный хвост»). Второй омоним является ветеринарным термином, который обозначает инфекционную болезнь лошадей, проявляющуюся как воспаление слизистой оболочки носа и глотки: *шыр* ‘мыт’ (например, *валэз шыр кутэм*²

¹ Мои детские воспоминания связаны с такой зрительной картинкой: мама поднимает резиновый коврик у крыльца, а под ним целый выводок голых мышат (без единого волоска!). С тех пор выражение *шыр голык* всегда ассоциировалось у меня с голыми мышами.

² Т. Борисов [1991, 354] приводит другой пример: *вал шыр луэ* <лошадь заболела мытом>, букв. «лошадь становится мытом(?)».